

**ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ
И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УЧЕНИЯ
АКАДЕМИКА Е. Н. ПАВЛОВСКОГО
О ПРИРОДНОЙ ОЧАГОВОСТИ
ИНФЕКЦИОННЫХ И ПАРАЗИТАРНЫХ БОЛЕЗНЕЙ
(к 40-летию создания учения)**

Г. С. Первомайский, В. Я. Подолян, В. П. Щербина

Ленинград

В 1979 г. научная общественность нашей страны широко отметила 40-летие учения о природной очаговости инфекционных и паразитарных болезней, основные положения которого в обобщенном виде впервые были доложены академиком Е. Н. Павловским 29 мая 1939 г. на общем собрании Академии наук СССР (Павловский, 1939).

Юбилейной дате были посвящены многие мероприятия, среди них в качестве важнейших можно отметить следующие. В марте 1979 г. в Зоологическом Институте АН СССР, директором которого длительное время являлся Е. Н. Павловский, состоялись юбилейные чтения памяти ученого. В мае того же года на кафедре биологии и паразитологии Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, где более 60 лет трудился Евгений Никанорович Павловский и где фактически создавалось учение о природной очаговости, состоялось юбилейное совместное заседание Ленинградского паразитологического общества, ленинградского отделения Всесоюзного общества протозоологов и отделения медицинской географии Всесоюзного географического общества. Во Владивостоке 29 мая открылась сессия Сибирского Филиала и Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН СССР совместно с МЗ РСФСР по проблеме «Природно-очаговые заболевания Сибири и Дальнего Востока». В октябре в г. Душанбе состоялась юбилейная X Всесоюзная конференция по природной очаговости, созванная Отделением общей биологии АН СССР и Академиями наук КазССР и ТаджССР.

Все перечисленные и ряд других собраний ученых отнюдь не являлись чисто юбилейными. Огромный по объему фактический материал, представленный в виде докладов и сообщений исследователями из различных регионов страны, имеет большую познавательную ценность и содержит ценные практические сведения для народного хозяйства страны и здравоохранения. Более того, научная продукция юбилейного года позволила с новых позиций осмыслить ряд положений учения о природной очаговости, лучше уяснить содержание заложенных идей и обобщений. Прежде всего это относится к пониманию коренных проблем учения, необходимости более четкого ограничения круга нозологических форм, исследование которых в соответствии с принципом природной очаговости представляется отвечающим смыслу учения, а также необходимости восстановления истинного наименования самого учения, которое называется многими современными авторами статей и руководств по-разному, в связи с тем что почти полувеко-

вая история разработки этого крупнейшего научного направления сопровождалась накоплением столь большого фактического материала и возникновением такого большого количества поднаправлений и разделов, что исходный смысл положений академика Е. Н. Павловского иногда буквально «тонул» в этом море фактов и новых обобщений. Достаточно упомянуть, что библиографический указатель только отечественной литературы по природной очаговости и только за 1939—1974 гг. насчитывает 5055 наименований (Перович, Безукладникова, 1978), причем в это число не входят научно-популярная литература, материалы прикладного характера и многие работы, учтенные в библиографиях по чуме, клещевому энцефалиту, Ку-рикетсиозу, лейшманиозу, токсоплазмозу и некоторым другим болезням человека.

Принято считать, что основными предпосылками создания учения о природной очаговости послужили анализ сведений о массовой заболеваемости во второй половине прошлого века зоонозным кожным лейшманиозом людей, впервые попавших в долину Мургаба в Туркмении, и исследования Д. К. Заболотного, выявившего заболевания чумой у тарбаганов и других диких грызунов и подтвердившего участие блох в передаче возбудителя чумы. Это верно по отношению только к одному разделу учения — о природной очаговости трансмиссивных болезней. В целом учение о природной очаговости инфекционных и паразитарных болезней сложилось к 1939 г. как вывод из огромного количества личных наблюдений и экспериментов автора учения и почерпнутых им в биологической и медицинской литературе данных по очень широкому кругу вопросов, как результат работы мысли ученого, обладавшего чрезвычайно широким кругозором, феноменальной эрудицией и энциклопедическим складом ума.

Понять общебиологический смысл этого учения и содержание заложенных в него идей можно лишь с учетом данных о путях накопления исходного материала, осмысливание которого происходило в условиях, максимально благоприятных для создания крупных общенаучных обобщений: в условиях развивавшегося передового социального строя первой в мире страны победившего социализма.

Е. Н. Павловский на протяжении всей жизни проявлял огромный интерес к живой природе во всех ее проявлениях. В силу особенностей медицинской профессии и в соответствии с традициями кафедры зоологии (затем биологии с паразитологией) Военно-медицинской академии этот интерес всегда носил не отвлеченный характер, а был связан с практикой здравоохранения, с изучением и оценкой биотических факторов среды обитания человека.

Тяготение к познанию окружающего мира и особенно к изучению членистоногих появилось у Евгения Никаноровича еще в годы обучения в Борисоглебской гимназии: он увлекается биологической литературой, совершает путешествия по центральной части России, Крыму и Кавказу, собирает коллекции насекомых и паукообразных. Окончив гимназию с золотой медалью, Евгений Никанорович поступает в 1903 г. в Военно-медицинскую академию, где с первых дней обучения и до ее окончания в 1909 г. все свободное время посвящает научной работе на кафедре зоологии и сравнительной анатомии у профессора Н. А. Холодковского.

После окончания с отличием ВМА и занесением фамилии на мемориальную доску академии Евгений Никанорович был прикомандирован к кафедре профессора Н. А. Холодковского для подготовки к научно-педагогической работе, где весьма успешно выполнял обязанности ассистента. В 1913 г. им была защищена докторская диссертация на тему «Строение ядовитых желез членистоногих», а вскоре после защиты диссертации он был избран приват-доцентом той же кафедры.

В 1914 г. в качестве поощрения за интенсивную и весьма ценную серию научных исследований Е. Н. Павловский был командирован за границу, где изучал постановку научной работы во многих научных учреждениях, зоологических институтах и музеях, а также собрал обширный материал по ядовитым и кровососущим членистоногим. Первый этап подготовки

учения о природной очаговости, и, в частности, раздела о роли кровососущих членистоногих в передаче возбудителей трансмиссивных болезней, был завершен в 1917 г., когда Е. Н. Павловский защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра зоологии, удостоенную премии имени Ахматова.

Великую Октябрьскую Социалистическую революцию Евгений Никанорович встретил в расцвете творческих сил. Он без колебаний перешел на сторону революционно настроенных ученых и вместе с передовыми умами России активно включился в борьбу за укрепление первого в мире социалистического государства, за оздоровление трудящихся масс, за снижение и ликвидацию широко распространенных инфекционных и паразитарных болезней.

В 1919—1921 гг. Евгений Никанорович проводит большую работу по борьбе с сыпным тифом в Петрограде. Он выступает с программным докладом на съезде, посвященном ликвидации сыпного тифа; произносит речь на заседании Петроградского Совета рабочих депутатов, в которой намечает программу мероприятий по борьбе со вшивостью; по заданию Наркомздрава публикует брошюру о значении вшей в распространении сыпного тифа.

После смерти профессора Н. А. Холодковского (1921 г.) Е. Н. Павловский избирается начальником кафедры и направляет свои недюжинные способности на создание нового, оригинального курса медицинской паразитологии. Если в дореволюционные годы научные интересы Евгения Никаноровича были направлены в основном на изучение морфологии и сравнительной анатомии членистоногих, то в послереволюционный период он всю свою энергию направляет на расширение паразитологических исследований и выяснение роли кровососущих членистоногих в передаче возбудителей инфекционных и паразитарных болезней. Для решения этой сложной и крайне важной задачи на кафедре разрабатывается обширная программа дальнейших комплексных исследований и проводится целенаправленная подготовка по всем разделам медицинской паразитологии биологов, зоологов, гражданских и военных врачей, прибывавших на двухгодичное прикомандирование из отдаленных республик и областей.

Для ознакомления с научными достижениями в области медицинской паразитологии и методами преподавания этого предмета за рубежом, Наркомздрав командировал Евгения Никаноровича в Англию и Германию, где он собирает по данному вопросу большой и подробный материал. В 1924 г. в Ленинграде при Зоологическом музее АН СССР по инициативе Е. Н. Павловского и А. А. Штакельберга была организована комиссия по изучению малярийных комаров и других эктопаразитов, которая сыграла важную роль в подготовке большого отряда маляриологов и энтомологов, возглавивших борьбу с малярией и другими трансмиссивными инфекциями во многих республиках, краях и областях нашей страны. Создание специальной комиссии явилось началом проведения совместных комплексных паразитологических исследований Академией наук СССР и кафедрой биологии и паразитологии ВМА, что еще более расширило сферу научных исследований большого отряда паразитологов, работавших под руководством Е. Н. Павловского.

В 1925—1927 гг. преподаватели кафедры и прикомандированные врачи участвуют в работе небольших паразитологических отрядов в Ленинградской и Новгородской областях. Выполненные членами этих экспедиций эколого-паразитологические исследования оказали впоследствии большую помощь в изучении роли иксодовых клещей в передаче возбудителей весенне-летнего энцефалита, клещевого сыпного тифа Северной Азии и других риккетсиозов.

С 1928 по 1964 г. Е. Н. Павловский и его ученики организовали более 200 комплексных научных экспедиций, целью которых являлось изучение инфекций и инвазий, их возбудителей, переносчиков и животных-резервуаров в различных республиках Советского Союза и зарубежных, сопредельных с нами стран. Экспедиционные исследования проводились на еди-

ной теоретической базе, в основу которой был положен метод биоценологии, позволивший изучить сумму биотических и абиотических факторов различных ландшафтов и ландшафтных зон и установить интимные связи между важнейшими сочленами патобиоценозов: возбудителями болезней, их резервуарами и кровососущими членистоногими. Было окончательно доказано, что переносчики во время кровососания получают возбудителей трансмиссивных болезней от одних животных (доноров) и передают их через укус другим животным (реципиентам). Было установлено, что циркуляция возбудителя между сочленами биоценоза может продолжаться неопределенно долгое время, что и обуславливает длительное существование очагов болезни.

Экспедиционными исследованиями были охвачены ближайшие к Ленинграду области, некоторые районы Крайнего Севера, юг Украины, Крым, Северный Кавказ, Черноморское побережье Кавказа, Закавказье, все республики Средней Азии, Казахстан, Алтайский край, Западная Сибирь, Саяны, Прибайкалье, Забайкалье, побережье Охотского моря, Дальний Восток, Приморье, Южный Сахалин. Экспедиционные исследования проводились также в Манчжурии, на Квантунском полуострове, включая Порт-Артур и Дайрен, в Северной Корее, Иране, Ираке и Японии.

В ходе этих экспедиций были получены принципиально новые сведения о ряде инфекционных и паразитарных заболеваний. Так, например, Евгению Никаноровичу и его ученикам, получившим подготовку на кафедре биологии и паразитологии, Москвину и Магницкому удалось расшифровать природу так называемых «хининопорных случаев» малярии. Было обнаружено и доказано, что возбудителями этих заболеваний являлись не малярийные плазмодии, а спирохеты, переносчиками которых служили клещи рода *Ornithodoros*. Резервуаром вновь обнаруженного заболевания (клещевого возвратного тифа) оказались дикие и домовые грызуны. Тем самым впервые в мире было доказано существование очагов клещевого возвратного тифа в дикой природе при отсутствии людей. Глубокий и всесторонний анализ полученных данных о существовании в нашей стране новой, ранее неизвестной болезни привел Евгения Никаноровича к мысли о возможном существовании в еще не освоенных человеком территориях возбудителей и других болезней, передаваемых от одного животного другому кровососущими членистоногими, без участия в этом процессе человека. Многочисленные сообщения отечественных и зарубежных исследователей, наблюдавших заболевания людей неизвестными болезнями в условиях дикой, неосвоенной человеком природы, убеждали в правильности такого предположения. Созданием этой гипотезы завершился второй этап формирования учения о природной очаговости.

Дальнейшие исследования сотрудников многочисленных комплексных экспедиций, работавших под руководством Е. Н. Павловского, позволили изучить экологию возбудителей ряда других «новых» для науки болезней, которые отличались строгой приуроченностью к определенным территориям, сезонностью и отсутствием контагиозности. Они нередко поражали людей, работавших на большом расстоянии от населенных пунктов или в таких местах, куда ранее не ступала нога человека.

Так, многие десятилетия оставалась неизученной эпидемиология кожного лейшманиоза (болезнь Боровского), которая почти поголовно поражала население многих оазисов Средней Азии. Только в 30-е годы ученикам Е. Н. Павловского Н. И. Ходукину, Н. И. Латышеву, И. А. Москвину и П. В. Кожевникову удалось провести серию комплексных исследований в пустынных районах Туркмении и изучить основные эпидемические закономерности этого тяжелого заболевания. Было доказано, что переносчиками лейшманий—возбудителей зоонозной формы кожного лейшманиоза — являются москиты, местами постоянного обитания которых служат норы песчанок и сусликов—резервуара возбудителей данной инвазии. Питаясь кровью больных грызунов — доноров возбудителя, москиты заражаются и передают возбудителя здоровым животным. В сумеречное время суток часть москитов в поисках новых источников питания покидает

норы грызунов. Если на пути перелета насекомых встречаются населенные пункты, москиты могут нападать на людей и передавать им возбудителя зоонозной формы кожного лейшманиоза.

Еще в 1934 г. Евгений Никанорович высказал предположение о возможности наличия на территории СССР клещевых сыпнотифозных лихорадок. Менее чем через 2 года профессором А. Я. Алымовым в Севастополе были обнаружены случаи заболевания людей марсельской сыпнотифозной лихорадкой и доказана роль собачьего клеща *Rhipicephalus sanguineus* в передаче риккетсий — возбудителей болезни.

Дальнейшие исследования привели к открытию природных очагов клещевых сыпнотифозных лихорадок в Восточной и Западной Сибири, Забайкалье, на Дальнем Востоке и в Казахстане. Природные очаги этих болезней приурочены к степным ландшафтам, где распространены иксодовые (пастбищные) клещи родов *Dermacentor* и *Haemaphysalis*. Риккетсии длительно сохраняются в теле клещей, размножаются в клетках их внутренних органов, поступают в их слюнные железы, а также передаются инфицированными самками трансвариальным путем следующим поколениям. Клещи заражаются чаще всего в личиночной или нимфальной фазе от инфицированных диких грызунов и заражают свежих животных или случайно попавших в очаг людей в процессе кровососания.

Продолжавшиеся экспедиционные исследования неизменно подтверждали жизненность гипотезы Евгения Никаноровича: природная очаговость оказалась свойственной многим вновь обнаруженным «эндемичным» болезням.

Завершающим этапом разработки Е. Н. Павловским учения о природной очаговости трансмиссивных болезней явилось всестороннее изучение природы тяжелого заболевания центральной нервной системы неизвестной этиологии, носившего название «токсический грипп». Сотрудники комплексных экспедиций Наркомздрава СССР и Главного военно-санитарного управления РККА, работавшие в очагах «загадочного» заболевания в Уссурийской тайге под руководством профессоров Л. А. Зильбера, Е. Н. Павловского и И. И. Рогозина, удалось расшифровать природу и этого заболевания.

В первый год работы экспедиции (1937) был обнаружен возбудитель болезни — фильтрующийся вирус, его резервуар в природе — многие виды млекопитающих и птиц, а также переносчики возбудителя — иксодовые клещи. Выделение от спонтанно зараженных клещей возбудителя, идентичного по серологическим свойствам штаммам вируса, выделенным из мозга погибших людей, еще раз подтвердило гипотезу Е. Н. Павловского о том, что циркуляция вируса в очаге поддерживается клещами алиментарным путем, во время питания их кровью на зараженных животных — резервуарах возбудителя (донорах) и здоровых животных — реципиентах.

В последующие годы (1938—1940) многократное выделение штаммов вируса от диких грызунов, насекомоядных, хищников, птиц и 3 видов иксодовых клещей в безлюдной тайге, а также эпидемиологические наблюдения подтвердили ранее выдвинутое Е. Н. Павловским положение о природной очаговости нового заболевания, названного весенне-летним клещевым энцефалитом.

Было окончательно доказано, что первичные очаги весенне-летнего клещевого энцефалита сформировались в естественной обстановке и многие столетия поддерживаются благодаря циркуляции вируса между клещами, дикими млекопитающими и птицами. Дополнительными условиями, способствующими формированию и поддержанию природных очагов, являлось длительное сохранение и размножение возбудителя в теле переносчиков, трансвариальная передача вируса от инфицированных самок клещей личинкам, трансфазовая его передача по ходу метаморфоза клещей и сохранение во время зимовок.

Ретроспективный анализ эпидемиологии расшифрованных ранее «загадочных» инфекций и инвазий позволил Е. Н. Павловскому оконча-

тельно сформулировать учение о природной очаговости трансмиссивных болезней.

Первое сообщение о наличии в дикой природе очагов клещевого энцефалита, тесно связанного с определенными ландшафтами, было сделано Е. Н. Павловским на совещании практических врачей в г. Уссурийске в 1938 г. Основные положения учения о природной очаговости инфекционных и паразитарных болезней, как указывалось выше, были впервые сформулированы и доложены автором на пленарном заседании Академии наук СССР в 1939 г., на котором он был избран действительным членом Академии.

Вспоминая о событиях, связанных с этим докладом, автор учения в конце своей жизни писал: «Теоретические обобщения и выводимые из них закономерности возникают не внезапно, не интуитивно, а на основах использования познавательных материалов, добывание которых может потребовать немало времени. Вместе с тем в уме исследователя идет подсознательная работа в отношении связывания отдельных, разрозненных фактов, наблюдений в результате опытов. В какой-то назревший момент все — до времени неясное — складывается в теоретическое обобщение характера рабочей гипотезы, перерастающей в конечном результате в основные положения реальной закономерности.

Так было и в отношении разработки учения о природной очаговости трансмиссивных болезней человека и животных. Я могу точно назвать день, когда в сознании четко определились основное содержание и дальнейшие цели развития этого учения. Время это восходит к 1939 г., когда в состав действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР впервые были избраны представители медицинских наук, образовавшие медицинскую группу в отделении биологических наук. Одновременно был избран академиком и я как зоолог и паразитолог; по своему медицинскому образованию я также вошел в эту группу. На первом же организационном собрании каждый из членов должен был сказать, что именно он намерен делать по линии академической работы.

Пока я ждал очереди высказывания на этом собрании, моя мысль усиленно работала. . .» (Е. Н. Павловский, 1961).

Так, докладом, содержащим основные положения учения о природной очаговости, завершилась длившаяся несколько десятилетий подготовка к созданию этого выдающегося научного обобщения, которое относится к числу наиболее крупных достижений советской биологической науки.

Наиболее разработанным разделом учения является та часть, которая касается природной очаговости трансмиссивных болезней. Труд Е. Н. Павловского, посвященный изложению основ учения о природной очаговости трансмиссивных болезней (Павловский, 1964), был удостоен в 1965 г. высшей научной наградой страны — Ленинской премии. В этой же работе в наиболее полном виде излагаются подходы к изучению всех групп природно-очаговых болезней, независимо от этиологических групп и конкретных путей передачи возбудителей, а именно: рассматриваются биоценологические основы циркуляции возбудителей болезней как в незатронутой хозяйственной деятельностью человека природе, так и в ландшафтах, биоценозы которых подверглись влиянию человека.

По Е. Н. Павловскому, явление природной очаговости трансмиссивных болезней состоит в том, что на отдельных участках территории определенных географических ландшафтов, независимо от человека и его хозяйственной деятельности, могут существовать очаги болезней, к возбудителям которых восприимчивы человек и домашние животные. Такие очаги сложились в процессе длительной эволюции. В их состав входят 5 основных факторов: возбудитель болезни, дикие животные-доноры возбудителя, кровососущие членистоногие-переносчики возбудителя, дикие животные-реципиенты возбудителя и факторы внешней среды, благоприятствующие непрерывной циркуляции возбудителя через переносчиков. Таким образом, природные очаги болезней рассматриваются Е. Н. Павловским как своеобразные «патобиоценозы», в связи с комплексом биотических и абио-

тических факторов среды. Циркуляция в них возбудителей происходит от животных-доноров к животным-реципиентам через кровососущих клещей и насекомых. Специфические переносчики, как правило, пожизненно сохраняют в своем теле соответствующих возбудителей. Более того, у них нередко наблюдается трансвариальная и трансфазовая передача возбудителей, распространяющаяся иногда на несколько поколений переносчиков, что приобретает большое значение в поддержании и стабилизации природного очага. У неспецифических переносчиков продолжительность носительства возбудителя невелика, и роль их ограничена.

Е. Н. Павловским разработана оригинальная классификация природных очагов болезней. В частности, им выделяются сопряженные очаги в пределах одного и того же географического ландшафта, когда там циркулируют возбудители нескольких болезней.

Выделены также элементарные и диффузные очаги. Элементарные очаги отличаются большей или меньшей степенью геоморфологической обособленности, включают в себя минимум сочленов населяющего их биоценоза, которые обеспечивают непрерывную циркуляцию возбудителя. Элементарные очаги могут быть одиночными, например отдельные норы грызунов, сухопутных черепах, гнезда птиц, или множественными, например у грызунов одного и того же вида.

Диффузные очаги не имеют резко очерченных геоморфологических границ, в них переносчики и животные-резервуар возбудителя группируются в определенных станциях.

Границы природных очагов болезней не остаются неизменными. Возможна иррадиация старого очага в новые места при наличии в них благоприятных условий для обитания переносчиков и диких животных-доноров и реципиентов возбудителя. С другой стороны, не исключается деструкция природных очагов болезней при выпадении из состава их биоценоза сочленов, участвующих в циркуляции возбудителя.

В ряде природных очагов возможны экологические сукцессии, когда в них появляются новые сочлены биоценоза, включающиеся в циркуляцию возбудителя. Примером может служить акклиматизация ондатры в природных очагах туляремии и включение этого вида позвоночных в цепь циркуляции *Francisella tularensis*.

Е. Н. Павловским рассматриваются связи между природными и антропоургическими очагами болезней. Например, известны природные очаги Ку-лихорадки, где обнаруживается естественная зараженность возбудителем этой болезни, — *Coxiella burnetii* песчанок, хомячков, сусликов, клещей и других диких животных. Домашние животные при выпасе их на территории таких очагов сравнительно легко заражаются коксиеллами, выделяя их впоследствии с мочой, фекалиями, плацентой и околоплодной жидкостью. Такие животные служат источником формирования Ку-риккетсиоза в населенных пунктах, заражая здоровых домашних животных. Они могут служить и причиной образования новых природных очагов лихорадки Ку, проникая в места выпаса, ранее свободные от этой болезни. Возникновению антропоургических очагов болезней способствуют некоторые формы хозяйственной деятельности человека и миграция инфицированных грызунов. Например, первичные очаги бруцеллеза были приурочены, вероятно, к дикой природе, и лишь в последующем в цепь циркуляции возбудителя включались домашние животные. Возведение человеком глинобитных домов и хозяйственных строений способствовало заселению их обычно норowymi орнитодоринами — переносчиками спирохет — возбудителей клещевого возвратного тифа.

Для некоторых инфекций и инвазий характерно параллельное существование природных и антропоургических очагов одной и той же болезни. Примером может служить токсоплазмоз, природные очаги которого известны повсеместно при наличии зараженности возбудителем представителей многих отрядов млекопитающих и птиц. В антропоургических очагах основное значение в резервации токсоплазмы имеют домашние и сельскохозяй-

ственные животные. Они и являются источником заражения людей токсоплазмозом.

Сказанное относится и к патогенным лептоспирозам, природные очаги которых приурочены к поймам рек, сырым местам с носительством лептоспир дикими млекопитающими. В населенных пунктах функция носительства лептоспир принадлежит домовым грызунам, собакам, свиньям, рогатому скоту. В очагах обоих типов преобладает водный путь передачи инфекции.

Развивая учение Е. Н. Павловского, советские исследователи предложили классификацию природных очагов болезней: наземные природные очаги, в которых жизнь возбудителя связана с наземным биоценозом; водные природные очаги; почвенные природные очаги, возбудители которых обитают и развиваются в соответствующих водоемах или в почве.

Рассмотренные примеры показывают, что закономерности, свойственные циркуляции возбудителей трансмиссивных инфекций в природном очаге, в полной мере приложимы и к некоторым нетрансмиссивным (токсоплазмоз, лептоспирозы и пр.). Аналогичным образом способны циркулировать в природных очагах и возбудители ряда гельминтозов (описторхоз, ряд гельминтозов домашних животных и др.). За последние годы получены данные и о возможности циркуляции в природных очагах возбудителей некоторых микозов, туберкулеза птиц и млекопитающих и других болезней человека и животных, т. е. зоонозов и зооантропонозов.

Таким образом, природная очаговость свойственна не только трансмиссивным болезням, но и болезням, распространяющимся алиментарным, аэрогенным и контактным путями. Природноочаговые болезни распространены почти во всех ландшафтах и во всех ландшафтных зонах земного шара, там, где существуют постоянные биоценотические связи между возбудителями болезней, их резервуарами и реципиентами, определяемыми совокупностью биотических, абиотических и социальных факторов внешней среды.

За 40 лет, прошедших со времени создания учения о природной очаговости, в СССР и за рубежом накоплено огромное количество эпидемиологических наблюдений, проведено множество полевых опытов и экспериментов, доказавших жизненность основных положений учения, которое является одним из основных универсальных биологических законов, постоянно проявляющих свое действие и в нетронутых человеком, и в осваиваемых им ландшафтах.

В связи с универсальностью выявленных академиком Е. Н. Павловским закономерностей учение о природной очаговости получило всемирное признание и является одним из краеугольных камней современной эпидемиологии и эпизоотологии. Нам представляется, что итоги юбилейного года позволяют не только подтвердить действенность разработанных автором положений, и их огромное практическое и общетеоретическое значение, но и выступить с предложением об унификации названия учения, а именно: восстановить название, первоначально предложенное Е. Н. Павловским в его докладе 29 мая 1939 г., именуя впредь это выдающееся научное обобщение «Учение о природной очаговости инфекционных и паразитарных болезней».

Л и т е р а т у р а

- П а в л о в с к и й Е. Н. 1939. О природной очаговости инфекционных и паразитарных болезней. — Вест. АН СССР, 10 : 98—108.
- П е р о в и ч И. Н., Н. А. Б е з у к л а д н и к о в а. 1978. Природная очаговость болезней. Библиографический указатель отечественной литературы 1939—1974 гг., ч. I и II. БАН, Л. : 1—853.
- П а в л о в с к и й Е. Н. 1961. Как зародилось и развилось учение о природной очаговости болезней человека, животных и растений. — В кн.: Е. Н. Павловский. Общие проблемы паразитологии и зоологии. Изд-во АН СССР., М.—Л. : 159—162.

Павловский Е. Н. 1964. Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов. «Наука», М.—Л. : 1—211.

THE STAGES OF CREATION AND CONTEMPORARY STATE
OF ACADEMICIAN PAVLOVSKY'S THEORY ON NATURAL NIDALITY
OF INFECTIOUS AND PARASITIC DESEASES (ON THE 40th ANNIVERSARY
OF THE THEORY)

G. S. Pervomaisky, B. Ja. Podolian, V. P. Shcherbina
